

Сяо Цзе прекрасно проводил время, и в ближайшее время не представлялось возможным уговорить его уйти домой. Хуань Тун принес стол, стул и печку для обогрева: «Молодой господин, пожалуйста, посидите, пока ждете».

Линь Цинюй приказал: «Принеси еще один стул для управляющего Си».

«Госпожа, благодарю вас за вашу любезность, – поблагодарил Си Жун, опустив глаза. – Но Си Жун всего лишь слуга. Как я могу сидеть рядом с супругой генерала?»

Линь Цинюй равнодушно заметил: «Его высочество не считает управляющего Си слугой. Управляющему Си тоже не нужно все время напоминать о своем статусе слуги».

Что бы ни думал Си Жун в своем сердце, он все еще сохранял смиренное выражение лица: «У его высочества такой темперамент, что он часто играет со слугами в своей резиденции. Его высочество не понимает правил, но Си Жун не смеет не понимать».

Линь Цинюй слегка улыбнулся, но в его глазах появилось немного холода: «Кажется, управляющий Си несмотря ни на что не хочет разделить со мной эту чашку чая».

«Госпожа не имеет себе равных в элегантности, чья красота ни с чем несравненна. Как может такой скромный человек, как этот ничтожный, иметь благословение пить с госпожой?»

Линь Цинюй больше не принуждал его, бесстрастно бросив: «Тогда как пожелаешь».

Си Жун стоял позади Линь Цинюя и оценивал этого знаменитого на всю столицу красавца, не раскрывая ни своих чувств, ни намерений. Внешность Линь Цинюя была безупречна, просто спокойно сидя здесь и потягивая чай, он сумел превратить эту холодную тренировочную площадку в элегантную и изысканную картину.

Однако чем умопомрачительнее красота, тем она опаснее. Линь Цинюй сначала был замужем за молодым мастером Хоу, а теперь за генералом Гу. Когда-то он был приближенным министром императора. В настоящее время, хотя и без официального положения, он мог свободно входить и выходить из дворца. Как такой человек мог не быть хитрым и расчетливым?

Линь Цинюй заметил пристальный взгляд Си Жуна и заинтересовался: «Почему управляющий Си смотрит на меня, а не на его высочество?»

Линь Цинюй разоблачил Си Жуна, но тот все еще сохранял самообладание, отвечая ему: «Этот маленький человек смотрит на чай в руках госпожи. Его высочество только что очень хвалил чай в вашей резиденции, говоря, что он даже лучше чая в императорском дворце. Мне было интересно, не будет ли госпожа так любезна, чтобы позволить этому маленькому человеку понять секрет этого чая».

Линь Цинюй поставил чашку с чаем, заметив: «Каждая мысль управляющего Си действительно направлена на благо его высочества. В будущем, когда его высочество отправится править своим уделом, ты тоже последуешь за ним?»

«Естественно».

«Ты готов к этому?»

Длинные и узкие глаза феникса Си Жуна в панике сузились: «Этот маленький человек не понимает, что имеет в виду госпожа».

Линь Цинюй заметил легкую перемену на лице Си Жуна, и уголки его рта интригующе приподнялись: «Если ты останешься в столице, останешься во дворце, управляющий Си все еще может стать Императорским Надзирателем, Придворным евнухом Печати*; но как только ты отправишься с его высочеством в его удел, ты навсегда останешься только управляющим-кастратом».

[Примечание: Придворный евнух Печати – точнее, придворный евнух, хранящий печать, является высшим должностным лицом ямена (административной канцелярии), которых насчитывается 24, они контролируют императорский дворец. Си Лицзянь (Императорский надзиратель) занимает высшую должность среди этих Придворных евнухов Печати; по сути, это очень высокая должность, поскольку он наблюдает за тем, чем занимается император.]

Слово «кастрат» безжалостно пронзило Си Жуна до мозга костей. Но, поскольку его часто били ножом, он был способен сохранять равновесие независимо от времени и места: «Придворный евнух Печати... Госпожа должна знать, что означают эти слова».

«Императорский Надзиратель, Придворный евнух Печати, также известен как „внутренний премьер-министр“. Он глава внутреннего двора. Это и есть то значение, о котором вы говорите, – Си Жун опустил лицо. Он был от природы женственным и мягким, но в сочетании с мрачным выражением лица... Хуань Тун, наблюдая за ним со стороны, почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки. – Разве супруга генерала не боится, что этот маленький человек может неправильно понять ее слова?»

Линь Цинюй спросил в ответ: «Значит, ты неправильно их понял?»

Разговаривая с мудрым человеком, нужно лишь косвенно коснуться темы. Си Жун, очевидно, понял, что он имел в виду, но он молчал, притворяясь невежественным.

Его реакция была именно такой, как и ожидал Линь Цинюй. У Гу Фучжоу и Сяо Цзе была некоторая дружба, точнее было бы назвать это мимолетным знакомством. Си Жун встречался с ним всего дважды. Как и сказал Гу Фучжоу, планировать заговор прямо сейчас было слишком рано. Слова Линь Цинюя были лишь способом прощупать его, и молчание Си Жуна уже дало ему ответ.

Поскольку Си Жун ему не доверял, он сначала даст ему попробовать немного сладости.

«Кстати говоря, Его высочество уже переехал из дворца и основал свою резиденцию, но он все еще только „четвертый принц“. Я помню, что когда император был наследным принцем, нескольким его братьям был присвоен титул цинвана*. Когда император вззошел на трон, эти короли продолжили управлять своими владениями, – заметил Линь Цинюй, продолжив. – Его величество занимается бесчисленными государственными делами. Более того, в настоящее время он болен. Боюсь, что он просто забыл об этом деле. Было бы идеально, если бы кто-нибудь напомнил ему об этом».

[Примечание: 親王/ qīnwáng – великий князь, князь крови, принц крови, член императорской фамилии; (один из высших официальных титулов при дин. Цин).]

Биологическая мать Сяо Цзе была не более чем служанкой из дворца в провинции. Она родила Сяо Цзе после того, как император оказал ей благосклонность на одну ночь. Император не очень любил этого сына, а у Сяо Цзе не было ни малейшего таланта к гражданскому или военному делу. Император редко вспоминал об этом сыне. Обычные министры не были настолько глупы, чтобы напоминать императору о присвоении ему титула, ибо так можно навлечь на себя недовольство наследного принца. В этом случае выгоды не компенсировали потери. В результате вопрос о титуле Сяо Цзе как цинвана до сих пор откладывался, и это на самом деле сильно беспокоило Си Жуна.

Си Жун также хотел использовать этот вопрос, чтобы посмотреть, насколько способны генерал и его жена. Он улыбнулся и сказал: «Я также надеюсь, что его высочеству как можно скорее будет присвоен титул цинвана, – дав тот ответ, который от него хотели услышать, он добавил. – Было бы хорошо, как можно скорее покинуть столицу, это место полно проблем».

Пока они разговаривали, Сяо Цзе уже прогулялся и вернулся с Гу Фучжоу обратно к ним. Линь Цинюй вручил Гу Фучжоу чай, который он приготовил заранее: «Генерал, пожалуйста, выпейте».

Гу Фучжоу улыбнулся: «Благодарю вас, госпожа».

Тем временем Сяо Цзе оживленно делился с Си Жуном ощущениями от езды на ахалтекинском скакуне: «Сяо Бай может выглядеть свирепым, но перед генералом Гу он очень хорошо себя ведет. Он идет туда, куда пожелает генерал. Если генерал хочет, чтобы он ехал быстро, он едет быстро, а если генерал хочет, чтобы он ехал медленно, он едет медленно».

Си Жун заметил: «Кажется, даже обычная лошадь может это сделать».

«Это другое, – Сяо Цзе махнул раздраженно рукой, серьезно продолжив объяснять. – Очевидно, я почувствовал разницу. Увы, я не знаю, как это лучше описать...»

Си Жун, улыбаясь, сказал: «Теперь мы видели и коня, и копые. Становится поздно. Будет

лучше, если его высочество вернется домой».

Линь Циньюй и Гу Фучжоу вдвоем провожали гостей. Сяо Цзе сел в экипаж первым, а Си Жун, еще раз извинившись перед ними за то, что они приехали без предупреждения, задержался. Он поблагодарил их за заботливое гостеприимство, и затем, наконец, сказал: «Тогда я откланяюсь первым».

«Подожди, – Линь Циньюй внезапно остановил его, предложив. – Я запишу секрет чая и передам его управляющему Си в следующий раз».

Си Жун поклонился, сложив руки перед грудью, ответив: «Я благодарю госпожу за ее хлопоты».

Как только экипаж отъехал от резиденции, Гу Фучжоу потер лицо и пожаловался: «Почему изображать паралич лицевого нерва так утомительно?»

Линь Циньюй молча развернулся, направляясь в особняк: «В чем дело? Ты сам решил сделать это».

«Я иду спать, – Гу Фучжоу последовал за Линь Циньюем, показательно небрежно положив руку на плечо собеседника. – Как прошел твой разговор с Си Жуном?»

«Ты прав. Он амбициозный человек».

Гу Фучжоу улыбнулся, самодовольно заявив: «Как я могу ошибаться? Я прочитал всю книгу».

«Удивительно, так удивительно, – Линь Циньюй небрежно похвалил его. – Более того, он, должно быть, очень беспокоится по поводу своего физического недостатка. Я могу это понять. Человек, который ему нравится, все время так невинно улыбается перед ним, в то время как он может только беспомощно смотреть, как он женится и становится отцом. Если бы это был я...»

«Подожди, – Гу Фучжоу замедлился нахмурившись. – Человек, который ему нравится? О ком ты сейчас говоришь?»

«О Сяо Цзе, конечно».

Гу Фучжоу застыл в шоке: «Почему ты решил, что Си Жуну нравится Сяо Цзе?»

Теперь Линь Циньюй был сбит с толку: «Разве это не ты написал? Сяо Чэн и Шэнь Хуайши, Сяо Цзе и Си Жун».

«Я также записал Сяо Ли и императрицу. Ты же не можешь думать, что между этой парой матери и сына что-то происходит подобное, верно? – Гу Фучжоу фыркнул, сдерживая смех. – До этого я не понимал лекаря Линь. Я никогда не думал, что ты настолько толерантный. Мне стыдно за свою неполноценность. Мне так стыдно!»

Линь Цинюй оказался в редком моменте ошеломленного молчания. Слова Гу Фучжоу прозвучали так, будто он думал, что его собственные мысли были такими ограниченными.

Он холодно спросил: «Если это не любовь, то какие между ними отношения? Не говори мне, что Си Жун склонил голову перед Сяо Цзе и был послушным и верным слугой из бескорыстной преданности».

Гу Фучжоу ответил: «До того, как биологическая мать Сяо Цзе получила благосклонность императора, однажды пьяной ночью у нее был роман с императорским охранником, и у нее был зачат ребенок. В провинциальном дворце* было мало людей, и настоящий хозяин далеко от них. Эта дворцовая служанка умудрялась скрывать свою беременность в течение семи-восьми месяцев, успешно родив мальчика».

[Примечание: Дворец, где император останавливается, когда он находится вдали от столицы.]

Линь Цинюй был удивлен услышанным: «Ты имеешь в виду... Сяо Цзе и Си Жун – единоутробные братья?»

Гу Фучжоу утвердительно кивнул: «Когда дворцовая служанка родила Си Жуна, она попросила кого-то забрать его из дворца и отправила на воспитание к дальнему родственнику. Этот дальний родственник растил Си Жуна, пока ему не исполнилось девять, а затем отправил его обратно во дворец. После того как Си Жун был кастрирован, он стал личным маленьким евнухом Сяо Цзе. Однако, в конце концов, эти двое – всего лишь второстепенные персонажи, и в книге о них мало что написано. Как Си Жун относится к Сяо Цзе, знает только он сам».

«Знает ли Си Жун о своей личности?»

«Он знает. Он знает, и потому защищает Сяо Цзе. По мере того как он продолжал защищать и оберегать его, его амбиции росли. Они родились от одной матери, по какой причине один должен быть принцем, а другой евнухом? Если его младший брат принц однажды взойдет на трон, разве это не сделает его императорским старшим братом монарха страны? – раскрывая сейчас эти подробности, Гу Фучжоу вдруг подумал, что есть некоторые вещи, о которых ему нужно было заранее уведомить Линь Цинюя. – Цинюй, в конце оригинальной книги „Хуай не признает его величество“ Си Жун продолжал защищать Сяо Цзе и, в конце концов, он отправился с принцем в его удел. Я уже говорил тебе раньше, что Си Жун умный человек, и другим нелегко контролировать его. Бесхитростный и наивный монарх в сочетании с евнухом, который жаждет силы и власти. В довершение всего, они братья – это не приведет ни к чему хорошему».

Линь Цинюй прекрасно понял, что хотел донести до него сейчас Гу Фучжоу. Решив уточнить,

он спросил: «Тогда в оригинальной книге Сяо Чэн стал хорошим императором?»»

Гу Фучжоу саркастически улыбнулся: «Автор не стал писать подробно, лишь кратко упомянув, что после того, как Сяо Чэн сделал императрицей Шэнь Хуайши, Даюй процветала, и все страны пришли ко двору, признавая его величие. Цинюй, если ты заботаешься о людях страны, ты должен отпустить наследного принца, чтобы не препятствовать процветанию страны».

Линь Цинюй равнодушно заметил: «Согласно тому, что ты сказал, тогда Цзин Кэ* не должен был покушаться на короля Цинь, чтобы не мешать мировому господству Цинь».

[Примечание: Известен своим неудачным покушением на короля Цинь, который позже станет Цинь Шихуанди, первым императором.]

Гу Фучжоу поднял брови: «Я этого не говорил».

Линь Цинюй усмехнулся, заметив: «Если мне действительно удастся возвести Сяо Цзе на трон, я, конечно, буду присматривать за двумя братьями. Если они не захотят слушаться, тогда я поменяю их на кого-нибудь, кто согласится. Сяо Цзе не единственный, у кого фамилия Сяо».

«Тогда было бы лучше, если бы ты сам стал императором, – Гу Фучжоу сказал это протяжно и неторопливо. – Как это было сказано? „Лучшие семена, чем дворяне и министры“*, верно?»

[Примечание: Призыв к сплочению первого крестьянского восстания в Китае, возглавляемого крестьянами; основной смысл заключается в том, что дворяне и министры ничем не лучше обычных людей. Восстание в конечном итоге провалилось, но стало значительным событием.]

Линь Цинюй взглянул на Гу Фучжоу, и выражение его лица прояснилось: «Нет никакой радости в том, чтобы делать плохие вещи, когда ты император. Это скучно».

Линь Цинюй вернулся в кабинет и позвал Хуань Туна: «Доставь письмо в резиденцию Наньань Хоу. Скажи им, что скоро годовщина смерти молодого мастера Хоу, и я хочу пойти и зажечь благовония для него».

Хуань Тун удивленно переспросил: «Прошел уже год с тех пор, как молодой мастер Хоу ушел?»

«Угу».

Хуань Тун почувствовал чувство потери и сказал, вздохнув: «Дни пролетают так быстро».

Помимо Линь Цинюя, о дне смерти Лу Ваньчэна помнила и Хуа Лу. Она давно приготовила роскошное подношение. Когда она готовила сухофрукты, ее случайно увидел Гу

Фучжоу. Увидев так много разложенных вещей, Гу Фучжоу подумал, что у них скоро будут гости.

Хуа Лу не была уверена, стоит ли сообщать генералу о приближающейся годовщине смерти молодого мастера Хоу, и бросала нерешительные взгляды в сторону Линь Цинюя.

Линь Цинюй спросил, обращаясь к генералу: «Ты забыл?»

Гу Фучжоу спросил, недоумевая: «Я что-то забыл?»

Линь Цинюй колебался лишь мгновение, после чего ответил: «Ничего».

Последние дни жизни Лу Ваньчэна были мучительно тяжелыми. Он был тяжело болен, и вполне естественно, что он не мог вспомнить тот день. Несмотря на то, что он провел полдня в предельной ясности, уже тогда он ничего не видел.

То, что Гу Фучжоу не мог вспомнить, тоже было хорошо. В конце концов, это не то воспоминание, что способно осчастливить его.

За день до годовщины смерти Лу Ваньчэна в столице выпал первый зимний снег. Шел снегопад. Снег продолжал падать и падать, и через полдня двор уже был укрыт толстым слоем снега.

Гу Фучжоу вернулся в резиденцию после утреннего суда и не мог дождаться, когда сменит свою официальную форму. После этого он пошел искать Линь Цинюя в кабинете, позвав его во двор: «Цинюй, снег снаружи уже такой глубокий. Пойдем слепим снеговика».

Линь Цинюй был не в настроении забавляться: «Это не первый раз, когда идет снег. Что за необходимость в лепке снеговика именно сегодня?»

«У меня на родине почти никогда не было снега. Для меня не лепить снеговика в снежный день – это просто пустая трата жизни, – Гу Фучжоу протянул руку, чтобы закрыть глаза Линь Цинюю, не давая ему читать, продолжая упрашивать. – Пойдем, Цинюй. Приходи и поиграй со своим мужем на улице, хорошо?»

«Пусть Хуань Тун поиграет с тобой».

Гу Фучжоу не хотел уходить даже после того, как его прогнали: «Лекарь Линь сегодня ведет себя так холодно. Что-то случилось?»

Линь Цинюй сделал паузу, но все же ответил: «Ничего».

Гу Фучжоу обеспокоенно спросил: «Я тебя беспокою? Мне уйти?»

Линь Цинюй на мгновение был ошеломлен. Затем он изо всех сил постарался улыбнуться: «Как ты вообще можешь меня беспокоить? Я просто... не люблю снег».

Гу Фучжоу выглядел задумчивым: «Это из-за меня...»

Линь Цинюй прервал его: «Когда идет снег, я не знаю, когда высохнут лекарства, которые я сушу. Для лекарей дождливые и снежные дни не так хороши, как солнечные дни».

Гу Фучжоу не стал настаивать и не пошел искать Хуань Туна, чтобы слепить снеговика. Он взял с полки книгу и вместе с Линь Цинюем стал тихо читать.

Снег падал с утра до ночи, и казалось, что даже внутри одеяло было покрыто инеем. Вероятно, из-за сильного холода Линь Цинюй долго не мог уснуть. И, наконец, заснув, он внезапно проснулся ото сна посреди ночи.

В комнате не было света, сквозь лунный свет и снег смутно проглядывали очертания мебели. Сердце Линь Цинюя билось как барабан. Он босиком встал с кровати и посмотрел в сторону верхней койки.

...Кровать была пуста.

Конечности Линь Цинюя похолодели. Казалось, что сцена во сне и реальность переплелись меж собой. Он стоял перед кроватью, заставляя себя успокоиться, снова и снова повторяя себе, что это был всего лишь сон. И все же его упрямое тело все равно застыло на месте. Он не мог пошевелиться.

Позади него раздался скрип двери. Линь Цинюй резко обернулся и увидел высокую фигуру мужчины.

«Цинюй? – Гу Фучжоу удивленно окликнул его. – Почему ты не спишь?»

Линь Цинюй открыл рот. Он хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова.

Гу Фучжоу зажег лампу. Когда он встретился взглядом с Линь Цинюем, выражение его лица изменилось. Он быстро подошел к нему и спросил: «Что случилось?»

«Где ты был? – Линь Цинюй, заставив себя заговорить, обнаружил, что его голос был пугающе

низким и хриплым.

«Я проснулся от голода посреди ночи, поэтому вышел и попросил Хуа Лу приготовить мне тарелку лапши, – Гу Фучжоу обхватил его за щеки. – Почему у тебя красные глаза? Ты злишься, что я не поделился с тобой? Так злишься, что тебе захотелось поплакать?»

Ладони Гу Фучжоу были теплыми, такими теплыми, что у Линь Цинюя защипало глаза еще сильнее. Линь Цинюй покачал головой, опустил глаза и тихо прошептал: «Я просто хотел... посмотреть, там ли ты еще».

Гу Фучжоу притих. Внезапно он поднял его и подошел к кровати, посадив на нее.

Линь Цинюй некоторое время находился в трансе, чувствуя, что эта ситуация кажется немного знакомой. Внезапно у него возникло ошибочное ощущение, что он все же во сне.

Гу Фучжоу опустился на колени перед кроватью и посмотрел на него: «В тот день, когда я умер, тоже шел снег, не так ли?»

Линь Цинюй спросил его в ответ: «Разве ты не видел?»

Гу Фучжоу слабо улыбнулся: «Да, я видел».

Линь Цинюй почувствовал, как задыхается. Стиснув зубы, он процедил: «...Лжец».

Гу Фучжоу уклонился от ответа: «Не думай больше о прошлом. Разве у меня сейчас не все хорошо?»

«Я не часто думаю об этом, – Линь Цинюй чуть поколебался, а затем все-таки сказал то, что было у него на сердце. – Я... немного напуган».

Он никогда не был из тех, кто показывает свою уязвимую сторону перед другими, даже перед Лу Ваньчэном и Гу Фучжоу. Это было в первый раз.

«Не бойся, не бойся. Просто поразмысли. На этот раз я использую тело генерала Гу, он настолько силен, что я определенно не умру от болезни, как в прошлый раз. И сейчас я не на поле битвы... А даже если бы я был, я бы просто придумывал дурацкие идеи, у меня их не счесть. Я не собираюсь умирать в бою, — Гу Фучжоу ослепительно улыбнулся. Несмотря на то, что он выглядел как тридцатилетний мужчина, его улыбка была настолько яркой и ясной, освещающая словно солнце все вокруг. – Итак, успокойся, я всегда буду здесь».

Но Линь Цинюй все еще волновался, переспрашивая, не веря: «Правда?»

«Правда, клянусь. Давай я напишу тебе гарантийное письмо? – предложил Гу Фучжоу. Он действительно подошел к столу, разложил лист бумаги и начал писать. Когда он писал, то смеялся, все же заметил. – Однако я на двенадцать лет старше тебя. Возможно, тебе все равно придется провожать меня через пятьдесят лет».

Линь Цинъюй склонил голову набок и тихо рассмеялся в ответ.

Услышав его смех, Гу Фучжоу поднял глаза, чтобы посмотреть.

Коварный и злой, прекрасный мужчина сидел на кровати. Легкая улыбка играла в уголках его губ. Его бездонные глаза смотрели на него с нескрываемой нежностью.

Переводчику есть что сказать:

Предчувствую реки слез над этим письмом с гарантией не умирать... Мы то знаем, что он точно умрет.

<http://bllate.org/book/15122/1336689>